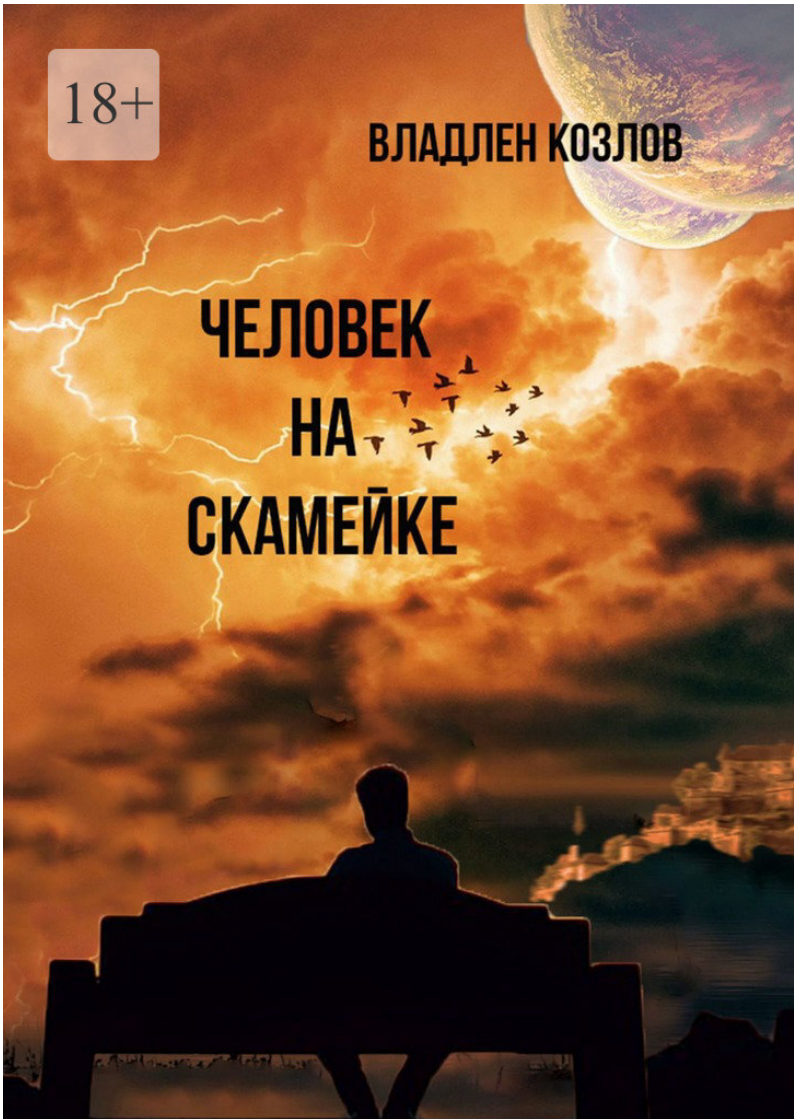

18+

ВЛАДЛЕН КОЗЛОВ

ЧЕЛОВЕК
НА
СКАМЕЙКЕ

Владлен Владимирович Козлов

Человек на скамейке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72505204

ISBN 9785005534552

Аннотация

«Когда идёт холодный дождь и дует порывистый ветер, люди не смотрят на серое мрачное небо. Холодные капли на лице, как слёзы потерявших свою солнечную суть небес. Я посмотрела и увидела крупных серых птиц, которые что-то искали в разрывах серых облаков. Лепестки несорванных цветов, терзаемых неистойой осенью, шепчут: соскучилась, хочу быть с тобой...»

Содержание

Художник под дождём	5
Пути	17
Старинный аксессуар, или О неизменности положения в резко меняющихся обстоятельствах	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Человек на скамейке

Владлен

Владимирович Козлов

© Владлен Владимирович Козлов, 2021

ISBN 978-5-0055-3455-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Художник под дождём

«Пройдя некоторые двери, не стоит оглядываться назад, в стенах тех дверей больше нет...» «Эгоскрипtum» человека на скамейке.

Крупные холодные капли майского дождя расстроили летнюю погоду уходящего дня. Серая пелена облаков отменила тёплый уют предыдущих часов и влажные порывы ветра выгнали из цветущих аллей всех посетителей. Остались лишь те, кто принадлежал Парку. Их было всего двое. Один, полицейский, нёс дежурство, парк был его постом, постоянным местом его службы. Уже не молодой полицейский потратил много усилий, чтобы его направили сюда, на это место, где обычно начинали службу молодые офицеры. Другой, в плаще, шляпе и под огромным зонтом установив мольберт, рисовал с натуры. Прямо на виртуальной крайней точке маршрута полицейского, патрулировавшего парк.

Художник не обернулся на шелест мокрого гравия, скрывавшего полуразрушенные плиты аллеи. Он не отвлёкся, даже когда источник шелеста приблизился к нему в плотную. Полицейский вдруг испытал давно забытое чувство неловкости, некой неуместности своего присутствия здесь. Специфика его службы давно убила напрочь в нём подобные чувства. Он заглянул через плечо художника на полотно. Там

был пока неясный скетч девушки.

Художник всматривался куда-то вглубь аллеи и затем снова и снова добавлял штрихов к своей картине. Черты изображения становились чётче, общий набросок был понятен, но до конца работы было ещё очень далеко. В этих линиях полицейский увидел что-то знакомое и тоже утраченное, причём утраченное с болью, то что, изменило его последующую судьбу.

Художник всматривался куда-то вглубь аллеи и затем снова и снова добавлял штрихов к своей картине.

– Вы с натуры рисуете? Где эта девушка? Отошла? – спросил полицейский, поёживаясь – за шиворот упало несколько холодных капель с большого зонта, под которым укрылся

художник.

– Там! – художник указал в глубину аллеи розовых тонколистных сакур.

– Я там никого не вижу! Где она? – немного раздражённо официально переспросил уже Закон устами полицейского.

– Там! – монотонно, без эмоций ответил художник и опять махнул кистью в сторону аллеи сакур.

Мия возвращалась со свадьбы подруги. Фигуристая, светловолосая, в мамином браслете, с роскошными рубиновыми серьгами под цвет облегающего красного платья, она могла быть не одна посреди этого парка глубоким вечером, где кажется, что уже никого нет – ни шумных детей, ни их пап, держащих мячи и велосипеды, ни говорливых мам, выкатывающих в колясках дремлющих младенцев. Никого, кроме, с виду четверых обычных парней, внутри полных отморожков.***

– Меня, а значит и тебя подруга пригласила на свадьбу. Ты пойдёшь со мной?

– Нет, Мия, у меня увольнение только вечером.

За спиной курсанта выстраивалась очередь его сослуживцев. Городской телефон-автомат был единственным в Вышем училище милиции.

– Я могу встретить тебя после свадьбы и провести домой. Или ходим на последний сеанс в кино.

– Хорошо. Свадьба будет в кафе, рядом с парком, ты зна-

ешь где это. Я выйду в...

– Да, хорошо! Я буду обязательно, даже чуть раньше. Прости, Мия, мне надо идти и ребятам звонить надо.

– Не опаздывай! До встречи! – Мия на том конце телефонной линии повесила трубку.

– Какая ты у меня красавица! – мама Мии зашла к ней в комнату.

Мия уже одела красное платье и вертелась перед зеркалом.

– Ты пойдёшь сегодня со своим курсантом?

– Нет, мама, он не может идти со мной, он меня встретит вечером. Мама, я хочу попросить тебя. Пожалуйста! Дай мне надеть твои рубиновые серьги раз подарила это платье!

– Хорошо, я же тебе обещала, когда ты вырастешь, они будут твои. Они твои. Я ещё хочу подарить тебе мою сумочку.

– Сумочку?

Мама вышла из комнаты дочери и вернулась уже с футляром и небольшим предметом в полиэтиленовом цветастом пакете.

– Да, вот, – мама отдала дочери футляр с серьгами.

Затем достала из пакета превосходную маленькую женскую сумочку.

– Бери, теперь это твоё.

– Какая красивая! Интересный замочек, как он открывается? – Мия восхищалась подарками.

– Потяни кнопочку чуть в сторону и от себя. Получается?

– Да, мама открыла. Ой, что это? – в сумочке оказался льняной мешочек с косточками японской вишни и фотография.

– Это вишнёвый талисман. Мне он достался в Японии, на гастролях. Зимой я застудила руку, и женщина-администратор, Аяка Сачико, подарила мне талисман. Когда прихватывало пальцы, я разминала талисман перед концертом и боль уходила, а потом и совсем ушла. Ещё талисман обладает очень тонким, едва уловимым, но постоянным вишнёвым ароматом.

– Пусть остаётся в сумочке, ладно?

– Да, доча, там ему самое место, пусть остаётся. А фотография останется у меня.

– Это мой отец?

– Да.

Мия перевернула фотографию.

– Мама, тут стихи, только не разборчиво, затёрлось . . . , кажется так: «В свете софитов . . . », нет, не могу прочесть, жаль!

*– От света софитов прячет в ресницах
немой вызов твоих томных глаз
Как же ты близко и как далеко —
«Собака на сене» это сказание о нас
держи расстояние на грани признания
это наш мир и война,
это наша игра виртуальная*

*горе победы – раскрытого сердца коснуться
счастье – в объятиях любимой утром проснуться
мы как два мира в двух каплях дождя
что в полёте столкнулись и не смогли разминуться..., —*

продекламировала мама и взяла фотографию из рук дочери.

– Как красиво! – Мия захлопала в ладоши.

– У тебя, моя дорогая, должна быть своя красивая и неповторимая история.

– Эх, мой курсант не умеет писать стихов.

– Это не главное. Проза отношений может быть не менее красивой, – женщина, улыбнувшись своим возникшим в памяти романтическим образам прошлого, вышла из комнаты.

Начальник курса с майорскими звёздами на погонах построил курсантов в две шеренги посреди казармы: – Сегодня у вас, по крайней мере у большинства, увольнение. Но нужно помочь известному вам суровому преподавателю с переездом. Помощь вроде «загрузить-выгрузить» и перетащить вещи. На экзамене он с пониманием постарается рассмотреть ваши непростые отношения с учёбой. И я буду благодарен отозвавшимся. Увольнение отгуляете в следующий раз. Кто желает оказать помощь, два шага вперёд!

Несколько курсантов, кандидатов на плохую оценку на грядущем экзамене, вышли вперёд.

– Недостаточно. Вот ты, двоечник-троечник, почему стес-

няешься? – начальник с нотками удивления в голосе обратился к недавнему пользователю телефона-автомата, – ты должен был отреагировать как яростная пробка, стартующая из бутылки взболтанного тёплого шампанского и стоять тут, это кому в первую очередь надо, мне? Ну да, ты мне статистику успеваемости опять портить будешь, устраивая забеги по пересдачам!

Курсант, переминаясь с ноги в сторону, покачивался, реагируя на слова командира, но оставался на месте.

Майор усмехнулся, наблюдая за подчинённым: – А, ясно, дама в городе ждёт?

– Девушка ждёт! – тихо ответил «двоечник-троечник».

– Ничего, подождёт до следующего раза! Или особое приглашение тебе к прямому приказу нужно, а, здоровяк? Я лично попрошу преподавателя за тебя, чтобы тройку поставил! Ну? Три шага вперёд!

Мия вышла из кафе. Её молодой человек опаздывал. Медленно погружаясь в ночь, она шла небыстрым шагом, время от времени, оглядывалась на ярко освещённый вход в кафе. Желая сократить путь, девушка направилась в сторону парка.

Курсанты, наконец, закончили разгружать мебель и вещи из армейского грузовика и построившись, серой небольшой колонной, издалека похожей на гусеницу двинулись в сторо-

ну училища. Вскоре, один отделился из строя и, едва догнав отходивший от остановки троллейбус, заскочил в пустой салон.

В парке уже светила полная луна. Прижавшись спиной к старому кедру стояла окровавленная Мия. Её окружали четыре накаченных наркотиками нелюдя. У одного из глазницы торчала красная шпилька от Мииной туфельки. Он истерично хихикал – тяжёлый наркотик помимо эйфории всемогущества давал ещё и сильный обезболивающий эффект.

– Ты посмотри, красотка какая. Я таких красивых девок даже по телеку не видел и тут здрасьте вам, вот она! Как она вам хари расцарапала!

– На себя посмотри! Она тебе туфлю в глаз вогнала!

– Ой, что это, это потому я так плохо вижу, а?

– Каблук вытащи!

– Ой, что это? – негодяй нащупал сломанную шпильку, торчавшую из его перекошенной рожи, – вот стерва! Всего то попросили серёжками поделиться и приласкать четверых классных парней!

– Да! Нам никто не отказывает!

– А если отказывает?

– То, мы... мы.

– Что мы?

– Наказываем!

– Да, накажем стерву!

Зажатым в кулаке камнем Мия сбила одноглазого с ног. Силы были слишком неравны. Остальные трое повалили Мию на землю. Девушка попыталась кричать, но лишь шевелила разбитыми губами.

Одноглазый поднялся. Из вывороченной глазницы кусками вываливалась плоть. Он неуклюже пытался ловить эти сгустки застывающей крови. Потом вытер руки о джинсы и засмеялся, – да!

– Накажем её!

– Держите, держите, я сейчас, да, – одноглазый достал нож, – что тут нас?

– Губки, розовые губки в размазанной помаде и личико, такое красивое, какое больше никто не увидит!

– Держите крепко её!

Они решили, что её больше нет, что осталось лишь истерзанное, изуродованное тело, светившееся в полутьме белизной кожи через рваное в лоскуты её красное платье. Они ушли.

Вишнёвые косточки из разорванной сумочки провалились в трещины напоенной кровью Мии земли.

Там, во мгле, в очертаниях...

Курсант подбежал к кафе. Неподалёку оказавшийся дед, копавшийся в багажнике «Запорожца», в ответ на вопрос, кивнул в сторону парка.

Она пришла в себя. Сознание подарило ей несколько секунд. На желание.

– Я не хочу, чтобы он видел меня... такой...

Ночь словно приоткрыла свои двери. Из мглы вышел человек в плаще и большой шляпе.

– Не смей. Мы не вмешиваемся в судьбы смертных. Мы лишь определяем. Ты останешься с ними!

Полицейский вернулся на то место, где ...

Курсант подбежал к старому кедру. На земле валялись красные лохмотья, залитые кровью, рядом – разорванная маленькая сумка.

– Мия! Мия! – закричал он, ответом была лишь далёкая грызня стаи одичалых собак.

В милицейских сводках следующего дня сообщалось, что пропала девушка и в парке нашли четырёх мёртвых наркоманов, на которых напали бродячие собаки. Криминалисты связали эти события, в карманах наркоманов были найдены похищенные вещи пропавшей девушки.

Полицейский вернулся на то место, где встретил художника. Там стоял мольберт. На картине была изображена красивая девушка в красном, облегающем платье, с рубиновы-

ми серьгами. На красивых ножках красные туфли на высоких шпильках и с изящной маленькой сумочкой на плече.

Полицейский всмотрелся в темноту, туда, куда дважды указал кистью художник. Там, во мгле, в очертаниях великолепной цветущей розовой сакуры он, спустя много лет, наконец, увидел свою Мию.

Пути

Соавтор – Маргарита Козлова.

*«Кто видит путь, тот получает всё,
остальные идут по следам его и получают лишь
крохи».*

«Эгоскрипtum» человека на скамейке

Город, стоящий на пересечении многих путей, накапливает пыль проносящихся мимо поездов, перемешанную с пустыми мимолётными мыслями пассажиров, его воздух наполнен гулом пролетающих самолётов, множество бесцветных лиц потеряются в его памяти, сотрутся вместе с выброшенными открытками и старыми фотографиями. Симферополь, ворота Крыма, открыт всегда, летом и зимой. Такие города накапливают не только разные истории, пролетевшие словно киноленты над жарким асфальтом его улиц, но и привлекают разных существей, умеющих дружить со временем и хорошо улавливать его монотонный ритм.

Три вампира сидели на скамейке посреди площадки, словно в глубоком ущелье среди высоких, многоэтажных, панельных домов района улицы Лермонтова. Издали они казались припозднившимися любителями пива, выпускавшими пары зелёного змия в лунное небо за небыстрой беседой. Вампиры были голодны и разыграли очередь пивной крыш-

кой. Глубокой ночью движение людей не прекращается совсем, вероятности судеб большого города передвигают людей даже в такое неудобное время.

Вампиры вглядывались во мглу подъездов, надеясь быстро перехватить добычу в закрытом месте, чтобы случайные свидетели, оказавшиеся у своих окон, не заметили ничего необычного. Но вдруг сорвавшийся кусок жести заставил их непроизвольно посмотреть вверх, и они увидели там, высоко, на фоне ореола полной луны неясный силуэт девушки, медленно бредущей по крыше. Дойдя до самого края, девушка остановилась, вампирам казалось, что они видят пальцы её ног на краю бездны многих этажей.

На фоне ореола полной луны неясный силуэт девушки...

– Моя! – сказал победитель пивного турнира и, опершись на воздух чёрными крыльями, взмыл вверх.

Дружки смотрели с любопытством на необычную охоту, такое они видели впервые.

Вампир завис как колибри перед девушкой, представ во всём своём ужасе, преображённом во время полёта из человеческого образа. В больших красивых глазах девушки отражалась его тень, похожая на гигантскую бабочку. Вампир разинул пасть, показывая огромные клыки. Девушка стояла молча, глядя сквозь вампира, ни одна чёрточка её пре-

красного лица не шелохнулась. В этом безмолвии вампир вдруг почувствовал, что какая-то неодолимая сила, вроде того притяжения полной луны, овладела им. Он сам не смог сдвинуться с места, только лишь махал и махал крыльями. Вдруг вампир услышал какие-то слова, доносящиеся из уголков его человеческой памяти, впитавшейся с кровью его жертв, и он стал их шептать всё громче и громче...

Внезапно открылось окно под вампиром. Луна стала тонуть в далёких облаках. Девушка медленно развернулась и побрела к бетонной коробке лестничного пролёта.

В окно высунулась огромная швабра и за ней по пояс толстая бабка.

– Как вы меня достали, сволочи распутные! – Швабра, описав дугу, точно угодила перекладной вампиру между лопаток, прервав его лунный полёт. Подслеповатые глазки старухи злобно блестели. Сильный удар моющего инструмента, сделанного из старой осины, вызвал временный паралич мышц, и вампир рухнул на землю, описывая круги, как осенний кленовый лист. Наслышанные о разных исключительных ситуациях дружки вампира, обернувшись котами, быстро сбежали в разные стороны, вековой инстинкт самосохранения в нужных ситуациях включался автоматически.

Дружки вампира, обернувшись котами ...

Спустя несколько минут вампир пришёл в себя. Его дружки вернулись обратно, убедившись, что кроме их собрата во дворе больше никого не было.

– Что это было? – Немой вопрос требовал ответа.

– Свои, это та, кого нельзя трогать, – сказал вампир.

Они пошли к своему укрытию. Охота не удалась.

Евгения проснулась бодрой и посвежевшей, ощущая мощный прилив сил. Такое было с ней всегда после полнолуния. Было похоже, что она напиталась холодной энергией Луны. Сев в кровати, она с удивлением увидела, что её одежда разбросана по полу. На прикроватном столике зазвенел

органайзер, напоминая о времени приёма у врача. Евгения безуспешно пыталась вылечить сомнамбулизм. Она до сих пор не рассказала своему новому парню о приступах, под разными предлогами оттягивая один из основных моментов людских романов.

* * *

Зависшее в зените летнее солнце немного разморило Человека на скамейке. Он стал немного дремать и даже почти заснул, как какая-то женщина, довольно бесцеремонно, окликнула его.

– Я о вас знаю всё. – Женщина даже не поздоровалась.

Человек на скамейке поморщился, он открыл глаза, посмотрел на женщину, дремота по-прежнему немного сковывала его. Наконец он пришёл в себя:

– Всё! Неужели всё обо мне знаете!

– Да, всё! Мне моя подруга рассказала о вас!

– Подруга? Какая подруга?

– У которой, ну, та история, с собакой...

– Ладно, предположим, что вы знаете обо мне всё.

И что же вы хотите?

– Я хочу всего лишь получить от вас хороший совет, и не для меня, а для моего сына.

– Я думаю, что вряд ли могу ему помочь.

– Почему? Вы же обязаны давать советы людям!

– Вообще нет. Не обязан! – Человек на скамейке поморщил-

ся, он не любил бесцеремонных людей.

– Я прошу вас! – Дама изменила тон.

– О чём же вы меня просите? – Человек на скамейке пожал плечами.

– Мой сын влюблён! – Женщина немного сникла.

– Ну это же замечательно, – Человек на скамейке с любопытством посмотрел на женщину, – только пока мне непонятно, при чём здесь я.

– Я повторю, мне нужен ваш совет.

– Я слушаю вас. Расскажите свою историю.

– Мой сын уже вышел из подросткового возраста. Сегодня он покинул и гавань своей юности. Он, наконец, влюбился.

– Это действительно замечательно!

– Конечно, замечательно. Когда он мне рассказал, я очень обрадовалась. Проблема в том, что он не может к ней подойти, к девушке, в которую влюблён.

– Он стесняется?

– Нет, не стесняется. Каждый раз получается так, что девушка от него ускользает. Он даже подойти к ней не может. Физически не может. Не успевает. Он идёт в университет, с одной стороны реки. И она ждёт свою маршрутку, по другую сторону. Он просто не успевает к ней подойти.

– Пусть подойдёт к этому месту раньше, тогда они точно встретятся.

– Да, конечно, он пытался. Не один раз пытался. Даже на такси, такси каждый раз опаздывало, ровно настолько,

чтобы только увидеть на несколько мгновений удаляющуюся девушку. Но это просто наваждение какое-то. До маршрутки девушка доезжает на машине, на такси. Возможность дольше видеть девушку появляется, если сын находится на другом берегу Салгира. Остановка – рядом с набережной, мой сын пытается добежать до неё по мосту. И каждый раз не успевает. Это уже превратилось в тренировку. Он значительно улучшил свой результат и приблизился к девушке. Но по-прежнему не успевает, она уезжает раньше.

– Давно ваш парень бегает так?

– Уже второй месяц.

– Хорошо. Я дам совет. Только вам не понравится.

– Я готова принять ваш совет.

– Вы – готовы. А он – нет. И его ждёт разочарование.

– Вы думаете, что девушка плохая?

– Дело не в девушке, дело в вашем сыне. Эта девушка не предназначена для него. Он должен это принять.

– Давно ваш парень бегает так?

– И вот так, просто, сидя здесь, на скамейке, даже не видя моего мальчика, вы даёте такой нелепый совет! Нелепый потому, что вы даже не хотите объясниться! Хотя, наверное, это хорошо, я бы не стала слушать пространные рассуждения о Судьбе.

– Вы же просили совет, я вам его дал! Если вы летите в самолёте, вы сможете подойти только к человеку в салоне. Люди остального мира будут для вас недоступны. Не для всех и не всегда. Но чаще это именно так. Как в вашем случае. Есть много других хороших девушек. Какая-нибудь из них будет рада стать плодом мечтаний вашего сына.

– Хорошо. Я поговорю с ним. Но он такой упрямый!

– Да, упрямый. Значит, всё увидит сам. Я думаю, что вы уже получили совет.

– Это то, чего я не ожидала. Тем не менее спасибо! До свидания!

* * *

Парень привычно бежал по набережной. Он досконально изучил этот простой маршрут – 300 м по набережной, 160 м по мосту, 250 м по набережной обратно, по другому берегу. Фигурка девушки, садящейся в маршрутку, была всё ближе с каждым разом, но по-прежнему недостижима.

Этим утром произошли некие изменения – опершись на чугунную ограду, через реку на девушку смотрел другой парень. Потом этот другой, обернувшись, остановил взгляд на клумбе, затем сорвал несколько простых цветков. Этот соперник, дерзкий парень, не стал бежать вокруг, по мосту. Он просто перемахнул через ограду и, не жалея одежды, быстро побежал по мелкой, грязной после дождя воде Салгира. Потом он подпрыгнул, схватившись за ограду по ту сто-

рону реки, быстро подтянулся и ловко перелез через препятствие, оказавшись в считанные секунды перед девушкой. Он поднёс ей помятые цветы, и они сели в маршрутку вместе.

* * *

Спустя несколько месяцев к Человеку на скамейке подошла пара молодых людей.

– Здравствуйте. Моя мама передала мне ваш совет. Я не выполнил его первую часть, продолжая бегать за незнакомкой на набережной, потому я выполнил вторую, – парень выразительно посмотрел на свою спутницу, – что же касается самолёта, то если у вас есть парашют, то и у самолёта открываются двери.

– До свидания! – сказала девушка, и они ушли.

Человек на скамейке улыбнулся – парень явно начинал смотреть на мир другими глазами.

Девушка еле выждала, когда они отошли дальше, настолько, чтобы Человек на скамейке уже не мог слышать разговор.

– Так! Рассказывай, что, оказывается, была другая, та, за которой ты бегал? Почему ты мне ничего не рассказывал?

– Да, бегал.

– Не добежал, значит! А я, вот такая простушка, стала с тобой встречаться! Знаешь, это как-то обидно даже!

– До неё добежал другой, и это хорошо.

– Почему?

– Потому, что я счастлив, что ты идёшь рядом со мной,

а не она.

– Как её зовут, у неё красивое имя?

– Я не знаю.

– Всё равно обидно! Я чувствую какой-то неприятный осадок от этой твоей истории. Да, я чувствую себя в роли заменителя, в роли утешителя, временной заплатки на твоей проблеме!

– Вовсе нет. История встречи с тобой куда более интересная.

– Что же тут интересного? Был вечер. Ты ко мне подошёл, когда я пыталась отыскать нужный контакт в смартфоне. Ты стал меня о чём-то спрашивать, что я должна была что-то увидеть, потом придумал какую-то нелепую историю в духе начинающего пикапера, чем мне мешал. Чтобы ты отстал, я пообещала тебе дать номер своего телефона и не рассчитывала на продолжение. Так что же тут интересного?

– Хорошо, я тебе расскажу всё – сама решишь, интересно это или нет! Итак, мне моя ма рассказала разного про этого чудика, вроде как он умеет решать разные проблемы или предсказывает, как гадалка. И да, я поначалу решил, что клин клином вышибают, и отправился вечером в город, чтобы зацепить себе подружку и погасить последние порывы сожаления по неудавшимся забегам.

– А, так я была права! Я чувствовала, что это всё неискренне!

– Вот и нет! Я увидел тебя в небольшом сквере, я раньше

не забредал в эту часть города...

– Сквер? Какой ещё сквер? Это прямой как стрела проспект Кирова, там каменный Ленин напротив...

– Ленин? Нет, это был сквер, освещаемый старинными фонарями, ты стояла спиной ко мне и копалась в своём смартфоне, причём довольно увлечённо. Мне очень понравилась твоя фигура, твои волосы. На тебе были джинсы и нежно-салатовый топик. Мне очень захотелось окликнуть тебя и заглянуть в твои глаза.

– И часто ты, подкравшись сзади по вечерам, окликаешь незнакомых девушек?

– Нет, до этого раза не пытался. Я хотел подойти к тебе.

– Хотел? Ты подошёл, и вид твой был таков, словно ты день бродил по пустыне, а у меня был стакан холодной воды.

– Это было потом.

– Что значит потом? Да, я вот решила, что мне интересна эта история, что дальше?

– Эх, ладно, я расскажу тебе всё, а ты сама решай, правда это или нет.

– Попытайся.

– Только, пожалуйста, мне довольно трудно будет передать словами то, что произошло в те минуты, когда я пытался подойти к тебе. Это было очень сложно.

Девушка остановилась, вопросительно и пристально, с лёгким недоверием посмотрела на парня.

– Да, сложно! И вовсе не потому, что я стеснялся, а потому, что это физически было невозможно. Едва я сделал несколько шагов к тебе, как упёрся лбом в какую-то прозрачную тугую границу. Ты представь моё состояние! Мне нравятся девушки, и я к каждой из них не могу подойти! Я пытался сперва тихо, а потом очень громко тебя окликнуть, ты не слышала, а я бился, словно муха в оконное стекло.

– Нет, ну это уже слишком. Ты что-то подобное нёс ещё тогда, весь этот бред! Ах, граница? Что же ты пограничников не вызвал? Ты не алкоголик? Или беглец из психушки? А то пришли бы умелые люди в белых халатах...

– Пожалуйста... – умоляюще, тихо, но твёрдо сказал молодой человек.

– Ладно.

– И вдруг из вечерней мглы вышел какой-то человек в коричневом балахоне и с факелом в левой руке. Он подошёл к этой невидимой границе, с удивлением посмотрел на меня, на мои попытки. Потом он правой рукой вытащил большой блестящий меч, что-то произнёс и затем этим мечом сделал движение, похожее на то, как вырезают дверь в картоне. Потом, толкнув факелом невидимую преграду, он прошёл и, обойдя тебя, скрылся в домах за сквером.

– Я никого не видела!

Потом он правой рукой вытащил большой блестящий меч...

– Это странно, потому что он вернулся, затем ещё два раза пересекал этот сквер и каждый раз так преодолевал эту границу.

– И как же тебе удалось подойти ко мне?

– Знаешь, если бы мне ма не рассказала про того Человека на скамейке, я бы просто ушёл, решив, что явно переутомился на фоне несбывшегося желания, и всё. Но я услышал, что этот человек бормотал, и запомнил. И запомнил его имя. Потом я нашёл в кармане складной ножичек и зажигалку. Я этим ножичком сделал то же движение, пробормотал те же слова, огнём зажигалки как бы толкнул вырезанную дверь

и прошёл.

– А, ясно. И как зовут этого странного человека? И как ты узнал?

– У него странное имя. Когда я прошёл, он подошёл ко мне и сказал странные слова: «Пройдя сквозь стену, человек получает подарок. Если придёт время, когда острые зубы будут пытаться найти твою шею, кусай в ответ. Другого решения не будет...» Я спросил, кто он. Тогда он ответил, что его зовут Варгок.

– Хорошая выдумка. Долго сочинял? Ты подошёл ко мне на проспекте, вокруг были люди, двигался транспорт.

– Какие люди, какой транспорт, это был тихий сквер!

– Хорошо, пошли, покажешь свой сквер.

Они пошли к месту их первой встречи. Спустя сорок семь минут они оказались на проспекте Кирова, рядом на площади стоял гранитный Ленин, гуляли люди и шумел транспорт.

– Ну что? Это, по-твоему, сквер?

– Я не знаю. Сквер был. И ты была. И сейчас есть. Желанная и любимая. Мне больше никто не нужен. И это правда.

Они стояли друг напротив друга, они смотрели друг другу в глаза. Звуки города смолкли. Истекали последние минуты дня. Он аккуратно обнял её и немного привлёк к себе, она подалась, и он нежно поцеловал её в губы. Они уже стояли посреди тихого сквера, освещённого старинными фонарями, в вечерней мгле где-то шёл по своим делам в коричневом балахоне загадочный Варгок.

– Кстати, ты чей телефон искала в смартфоне?

– Это неважно.

– Я тебе всё рассказал!

– Это было красивое наваждение, и сквер очень красивый, ты гипнотизёр? Ты гипнозом влюбил меня в себя?

– Чей телефон?

– Пашин! Ну, это парень, ну, который раньше... был... неважно.

– И кто тут временная заплата на проблеме?

– Я стёрла его телефон из телефонной книги и номер заблокировала. Я не хочу вспоминать об этом. Ты – мой парень!

* * *

Симферополь. Вечер. Принесённые южным ветром из парков Большой Ялты несколько певчих цикад выводили свои необычные трели, радуя последних редких посетителей Воронцовского парка. Два уже знакомых нам вампира притаились в тени большого дерева, обозначавшего край полузаброшенной парковой зоны. Это было одно из любимых мест для засады. Мимо дерева шла тропинка к ограде, где отсутствовало несколько металлических прутьев. И поздно вечером всё равно кто-нибудь отважится сильно сократить себе путь, не обходя парк по внешнему контуру, а просто пройдя по этой тропе и выбравшись через дыру в ограде.

Вторая студенческая смена в Крымском федеральном

университете закончилась глубоким вечером. Парень встретил свою девушку, и они, привычно сокращая путь, пошли через парк по той самой тропе. За разговорами о предстоящих экзаменах, перетекающих в разговоры о жизни и о том призрачном сквере, где они познакомились, он и она не заметили, как изготовившиеся хищники уже навелись на них, словно дикие коты на сумку с колбасой, оставленную без присмотра.

Вампиры внезапно появились перед парой, надеясь воспользоваться смятением людей и минимальным сопротивлением, и, чтобы в очередной раз ввергнуть жертв в шок, синхронно разинув пасти, показали свои жёлтые длинные клыки. Однако парень, задвинув девушку за спину, сделал шаг вперёд и спокойно сказал:

– Пошли вон, а то пожалеете!

Парень помнил встречу с Варгоком и его слова: «Если придёт время, когда острые зубы будут пытаться найти твою шею, кусай в ответ. Другого решения не будет...»

Вампиры смутились.

Вампиры смутились.

– Может, сбежим, помнишь ту девушку? Люди какие-то странные по ночам попадаться стали, – неуверенно начал один, – эта его подружка очень на неё похожа!

– Сейчас посмотрим! – сказал другой и укусил парня за руку.

Парень в ответ сам укусил сперва одного, а затем другого вампира.

Вампиры упали на землю и, вопя, стали кататься, изгибаясь и теряя шерсть. Парень спокойно наблюдал, как будто

продельывал это уже не один раз.

На земле лежали два голых человека, уже не вампиры – явно похожие на мужичков-выпивох.

Придя в себя, они сели и посмотрели друг на друга.

– Говорил тебе, идиот, сбежим! А ты пасть свою непутёвую разинул. И девка это та, лунатичка с крыши, ещё и парня привела, отомстила нам!

– Ладно, хлопцы, бывайте, нам пора! – сказал парень и, подхватив девушку под руку, повёл её к остановке. – Ты знакома с ними?

– Ты что, шутишь? Это вообще что было такое? Это ты своих дружков подговорил такой глупый маскарад устроить? – Девушка торопилась покинуть неудобное место.

– А почему они называли тебя «той лунатичкой с крыши»?

– Прости, я тебе не всё рассказала. Когда мы были совсем вместе, той ночью... я боялась, что усну и испугаю тебя, ведь я сомнамбула!

– Кто? Тоже вампирка? Так это твои дружки?

– Ладно, нет... да, лунатичка, короче. И не дружки они мне, я не помню, может, встретила их где-нибудь на крыше.

– Лунатичка? Бывает. Ладно, проехали. Пошли готовиться, следующий экзамен скоро.

Бывшие вампиры смотрели им вслед. Потом один, который сомневался, размахнулся и врезал кулаком в лицо второму:

– Давно хотел это сделать!

Второй, немного откинувшись от удара, перетерпел, потом заговорил:

– Чё, вспомнил, кто тебя обратил? Ладно, пошли накатим, что ль. Возвращение в царство смертных надо отметить!

За время вампиривания они успели отвыкнуть от одежды, поэтому затеяли упорную драку с нарядом полиции, который вызвал бармен при виде ломящихся к нему в бар двух голых

мужиков. Психологическое возвращение к человеческому облику шло туго.

В районном отделении полиции, куда привезли голую парочку, готовились к встрече высокого начальства и неформатные клиенты не должны были попадаться на глаза, потому, взяв личные данные дружков, их вывезли по ближайшему адресу регистрации и вытолкали из машины, тем более что буяны ничего не сломали и не украли.

Главный вампир нервничал. Голод. Он ощущал голод иначе. Это похоже на изматывающую и усиливающуюся зубную боль. Впрочем, голодом это назвать нельзя. Воля – это неподвижная гора. У всех разная высота этой горы. Боль голода – это вулкан, растущий вулкан. И какой бы высокой ни была гора-воля, пепел вулкана всё равно покрывает её вершину... У каждого вампира есть свой клан из обращённых людей. Обращённые организмы лишь частично меняют свой генетический код, процессы метаболизма протекают не только на физическом уровне, но и на уровне полей, выживае-

мость обусловлена тем, что перетекание энергии существования при ранении одного члена клана поддерживают другие, потому и раны заживают, и даже оторванные части тела прирастают обратно. Клан вампиров – это распределённый в пространстве паразитический организм, и глава клана чувствовал, где находятся двое бездельников, обычно помогавших охотиться в вечернем городе, но не чувствовал основного, поддерживающего энергетического канала. Ему вообще не нравились последние события, особенно тот случай с девушкой на крыше.

Вампир раскрыл кожистые крылья и, сильно взмахнув, взлетел. Его тело зажглось перемещающимися огоньками, подобными звёздному ночному небу, маскировка была отменная, ни один из зевак, взглянувших вверх, не увидел бы ничего.

Чувство клана привело его во двор, окружённый девятиэтажными панельными домами. Тут, на трубах теплотрассы, проходивших возле стены, он увидел двух дружков, крадущихся к светящемуся окну на первом этаже. Приблизившись, стараясь остаться незамеченным, вампир решил, что негодяи отправились на охоту без него, а потому своих обращённых нужно наказать и отнять добычу.

Двое заглядывали в окно. Там миловидная женщина накрывала стол, попутно оживлённо разговаривая с мужчиной.

– Ты посмотри, твоя хахаля завела, – комментировал один бывший вампир. – А как рыдала над тобой на кладбище:

«На кого ты меня покинул, ненаглядный!»

– Твоя вообще возле тебя как столб стояла. Завидуи молча!

– А ты смотри, как хахаль разошёлся, у них явно что-то намечается! И она явно не против. Наклони башку, дай пощупаю!

– Что пощупаешь?

– Как что? Как рога у тебя расти начнут!

– Ну, сейчас я ей устрою!

Он громко постучал в окно. Женщина подошла к окну и, разглядев визитёра, молча рухнула на пол. Хахаль подскочил к ней и также посмотрел в окно и узнал виденного на фотографиях человека. Лицо мужика из красного стало зелёно-бледным, и он, издав пронзительный, полный ужаса вопль, резво покинул квартиру, захлопнув за собой дверь.

– В этой битве самцов ты показал, кто здесь альфа!

– Да, прыткость – это главное достоинство современного кавалера. Ладно, полезли, нам нужно перекусить и взять что-нибудь из одежды.

– Будем воровать?

– Ага, из своего шкафа буду воровать, надеюсь, бывшая не всё выкинула. И бутылку со стола прихвати, пригодится! Закончив с одеждой, дружки направились к двери.

– Слушай, давай по старинке, как раньше?

– Раньше было легко, сейчас тяжело, хотя ладно, давай!

Дружки отошли от входной двери, вернулись в комнату и кряхтя вылезли в форточку.

– Теперь твою пугаем!

– Ага!

– Гы-гы-гы! – Парочка дружков спрыгнула с газовой магистрали в палисадник, зацепив штанинами штaketник цветника и сломав несколько досок. Из темноты на них надвинулся Хозяин. Он думал последовать за дружками в квартиру, но не успел, его снёс с ног какой-то орущий человек и, более того, протоптался по нему.

Людское тепло и запах свежей, живой крови, исходивший от обращённых, обескуражили его.

– Что за... – начал он.

Людское тепло и запах свежей ...

– Бей! – «алконавты» не растерялись, дружно загнали под-
вернувшийся так кстати подручный материал в виде двух
штакетин в грудь вампира и, свалив того на землю, прижали
своим весом.

Вампир зарычал, попытался смахнуть с себя бывших са-
теллитов, однако привычного прихода сверхсилы не было.

– Не дёргайся, летун, штакетник из осины, самый распро-
странённый тут после сосны материал, сам делал.

На втором этаже открылось окно, из окна высунулся ло-

поухий пацан и попытался что-то разглядеть в копошащейся темноте.

– Эй, пацан, помоги секретной ветеринарной службе больного пса упаковать. Слышишь, как рычит?

– А, сейчас. Ой, что надо?

– Скотч кинь!

– Ладно.

Спустя некоторое время в палисадник приземлился рулон скотча.

– Иди спать, пацан! Медаль по почте пришлём за содействие.

– Меня Лёша зовут.

– Иди спать, Лёша!

Один из подельников, доломав ограду, освободил кусок доски примерно в рост человека.

Спустя несколько минут вампир был примотан скотчем к доске. Дружки приступили к всестороннему планированию дальнейших действий.

– Дальше что делать будем? В речку Салгирку бросим, а утром солнышко проснётся, встанет и угольков из него наделает.

– Не-а! Пошли к Потапо, он сегодня кладбище охраняет, оформим тушку на постой.

– Зачем?

– Ну, сейчас погуляем, а как старпёрами станем, то что делать будем? Откопаем зубатого, и вот он, второй шанс веч-

ной жизни!

– О, как стратегично! Ага, давай. Бери его за уши, я за лапы, и понесли.

Потапо спокойно, куря сигарету, рассматривал обмотанного скотчем вампира.

Потом внимательно посмотрел на дружков.

– Вы же вроде как покойники? Чего по ночам шляетесь, а? А ну марш по местам, что государство на вас выделило!

– Ты, Потапо, что-то путаешь! Обидно даже. Мы теперь спецветеринары по особым поручениям. Секретные. Последствия опытов ликвидируем.

– А, значит, там пусто! – В мозгу Потапо мгновенно заработал бизнес-калькулятор и телефонная книжка. Он удовлетворённо кивнул, принимая ответ дружков.

– Чё за порода? Первый раз вижу собаку с лапами вместо задних лап. А это что за отросток? – Потапо потянулся за выбившейся из-под слоя скотча кожистой складкой крыла.

– Не трожь. То он такой кожистый. Скрестят нормально-го пса с тюленем, а потом просят отбраковать. И ещё очень сильный и агрессивный, кидается!

– Хорошо зафиксировали? Мне тут, на кладбище происшествий не надо!

– Очень надёжно! Видишь, даже дрыгаться не может.

– Ладно, пузырь принесли?

– Да! Вот.

Экс-вампиры одарили Потапо бутылкой водки.

– Там есть пару ямок приготовленных... Лопаты в сторожке.

Потапо начал рыться в своём столе в поисках стакана, пара дружков с их делом его уже не интересовала.

Спустя некоторое время довольные дружки принесли лопаты обратно.

– Ты слышал, как он забавно бормотал, что отомстит?

– Ага, отомстит. Если развяжется.

– Гы-гы-гы...!

Срок разложения скотча – от нескольких месяцев до нескольких лет, в зависимости от условий внешней среды...

* * *

– Давай не будем сегодня говорить о том, что произошло в парке, о том, что там было маскарад или что-то ещё, а то я не усну ночью и мне страшно, даже сейчас, – Евгения привела гостя в свою комнату.

– Хорошо. Будем готовиться к экзамену?

– Нет пока, я так перенервничала. Жуткие типы и ты жуткий. Кусака!

– Ладно, посмотрим мои фотки, расскажешь, какая я красивая!

Евгения достала dvd-диск и включила ноутбук.

– Это мы с мамой, мы тогда только отдыхать приехали.

Угадай, где это волшебное место?

– Легко, у вас за спиной бронзовая русалка с ребёнком, это Мисхор!

– А на этой фотке я участвую в психологической игре «Поиск далёких миров», родители пытались избавить меня от... ты теперь знаешь.

– И что вы нашли? Нашли миры?

– Это самокопание, кому-то помогает, кому-то нет, для меня это, видимо, слишком далеко.

– Находясь в поиске далёких миров, твои руки не раз касаются их, но ты об этом никогда не узнаешь, то, что кажется таким далёким, может находиться слишком буднично близко, так близко, что порой нечаянного взгляда бывает достаточно, чтобы увидеть другой, неземной мир, вот я вижу! – парень взял с полки заинтересовавший его немного искрящийся в свете комнатного освещения минерал.

– Это подарок папы! Возможно там и есть нераскрытый секрет, – Евгения улыбнулась: – секрет может быть, далёких миров там, внутри, нет! Точно!

– Расскажи о своём отце, тогда возможно мы откроем секрет минерала!

– Запомни, моего папу зовут Александр Васильевич, сейчас он работает в Крымской астрофизической обсерватории, помимо основной работы он занимался поисками метеоритов. Сюда мы переехали из Украины. Нечасто исследователи находили метеориты в своих экспедициях, камни пролетев-

шие миллионы световых лет из космической бездны пылились без толку на полке в лаборатории, будучи невостребованными Центральным институтом в Киеве, занятым своими проблемами выживания в условиях хронического недофинансирования и начальству было недосуг вообще заниматься делами далёкой окраинной лаборатории, особенно после «Майдана». Потом и срок аренды помещения подошёл к концу, лабораторию упразднили и камни оказались в домашних коллекциях бывших научных сотрудников.

Один из камней-метеоритов папа подарил мне, где, как ты видишь, на полке среди игрушек, дисков, плееров, наушников и прочих фенечек тот занял постоянное место.

– Я знаю секрет этого камня! – парень поднёс минерал к уху, как подносят раковину рапан, желая услышать шум моря.

– Это же не ракушка! Что ты делаешь?

– Тише, тише. А то я не услышу!

– Что не услышишь!

– Звуки страны, спрятанной в камне и голоса людей, живущих в этой стране.

– И что говорят люди, живущие в стране, спрятанной в камне?

– Это голоса жителей царства Циремеи, где правил властный и могучий повелитель, царь о’Зима.

Царей Циремеи избирал народ, царь правил государством пожизненно и выбрав плохого царя народ обрекал себя

на разные неприятности, голод разруху, войны, а вот если царь был хорош, то люди жили спокойной комфортной и сытой жизнью.

Царь о'Зима был выбран народом в честь его отца, Лимпика, мудреца и советника, внешне неказистого, но очень мудрого человека, фактически на советах которого держалось благополучие государства. К тому же, в те редкие войны, которые проходили по воле ненасытных соседей, воин о'Зима проявил свою недюжинную силу и волю, особенно во время схватки за пограничный пост Тир, когда он перехватил выпадающее из слабеющих рук раненного командира знамя, сбил древком с ног нескольких подбежавших солдат противника, а затем громовым голосом остановил горстку своих сослуживцев и увлёк их за собой в атаку на практически уже утерянные позиции. Враг, видя этого гиганта, размахивающего пробитым знаменем, низвергающего набегающих супостатов на землю, а также воодушевлённых его примером солдат, опрокидывающих наступающие шеренги зубренным от долгой битвы оружием, кинулся наутёк, в свои пределы и больше не рисковал нападать на Тир, пока там показывался о'Зима и львиной величавой походкой проходил вдоль границы. Из Тира герой привез себе молодую жену, там все девушки равнодушно смотрели в сторону бронзовой от загара, идеально сложенной атлетической фигуры о'Зимы и лишь одна, Милина, не разделяла вкуса своих подруг. Милина была развита не по годам и пребывая ещё

в юном возрасте могла по красоте соперничать с первыми в Царстве, а по уму ей равных вообще не было в те времена. Милина представляла из себя идеал северной красавицы, белая словно ночной снег в свете ясного, морозного утра кожа, ясные как студёные ключи, небесно синие глазки светились мудрость, нежно розовые губки словно неувядающие нежные розовые лепестки не отпускали чуть видимую улыбку. Фигура Милины была верхом природного совершенства, потому и походка красавицы была легка и грациозна и свела с ума не одного кандидата в мужа. Отец Милины, старый драчун и пьяница был одним из военных, нёсших службу в Тире и местные жители знали, что с военными лучше вообще не связываться, а особенно с этим старым пьяницей, который души не чаял в своей дочери и мог запросто изрубить своим ужасным мечом любого, кто покусится на его дочь.

о«Зима давно заметил Милину, ему ленивому уже от лёгких побед на сердечном фронте было жутко неприятно от того, что его присутствие в её обществе не вызывает восторженных взглядов и вздохов Милины, в то время как подружки едва не дрались из-за ласкового взгляда о'Зимы.

Прошло некоторое время и о'Зима стал чувствовать сперва время от времени, потом часто, а затем и постоянно приступ неведомой тоски, которая исчезала с появлением в компании Милины, превращаясь в блаженное чувство облегчения и тепла. Могучий воин о'Зима влюбился как зелёный мальчишка в одноклассницу и теперь старался появляться

в обществе Милины чаще. Милина по прежнему не показывала никакого интереса к существованию о'Зимы. Не то, что бы он ей не нравился, но что-то было ей совершенно чуждое прятавшееся в теневой стороне его души, которая есть у каждого человека и потому старалась избегать влюблённого воина.

Хотя о'Зима и не блистал выдающимся умом, всё же решил, что за свою любовь нужно бороться и отправился в столицу к своему отцу за мудрым советом. Лимпик поначалу удивился вопросам сына, потом обрадовался, что ему на старости лет удастся попестовать внуков. Лимпик задал несколько коротких вопросов об окружении и семье Милины и дал сыну совет, что дорога признанию красавицы лежит через её отца, наказ которого Милина примет. Передав о'Зиме несколько тягловых животных, навьюченных ящиками с амфорами лучшего хмельного, Лимпик на прощанье с любовью и гордостью похлопал сына по спине – вырос уже удалец. о'Зима видел отца в последний раз, через месяц Лимпик умер, как умер и царь государства, они пали жертвами заговора. Заговорщиков поймали но уже было поздно – страна осталась без царя во главе и без советника при голове.

Пока народ решал, кто будет следующим царём, о'Зима в точности выполнял то, что ему сказал сделать отец. Он подружился с отцом Милины, они стали собутыльниками и горланили вечерами старые военные песни, о'Зима сам почти не пил, всё больше подливал. И, однажды, решив, что

достаточно дружен с семьёй пришёл с подарками и сватами свататься к Милине.

Отец Милины, видя дары посерьёзnel и лицо его стало мрачным. Отстранив сватов от о'Зимы, старик жестом пригласил его одного в дом, выбрал уединённую комнату и убедившись, что их никто не сможет подслушать взял слово с друга, что тот будет хранить в тайне то, что услышит и лишь тогда решит быть свадьбе или нет. Давно, когда крепостная стена Тира была новой и гладкой и на ней не было трещин, где могли бы прятаться ящерики от полуденного зноя, крепкий статный воин нёс дозор, обходя широкую степь вдоль крепостных стен. Патрулирование входило в обязанности самых зелёных воинов, которым полагалось хорошо ознакомиться с местностью, прежде чем приступать к настоящей службе и боевой подготовке. Неподалёку протекала река и когда девушки Тира пели звонкими голосами на её берегах, то из воды поднималась лёгкая водяная дымка, ласково погружала в себя компанию, неся красавицам лёгкую прохладу. Опять Царица реки из воды вышла шутили они, играясь с завитками дымки.

Часть маршрут воина в патруле пролегал вдоль берега, когда он появлялся, река затихала и знакомая дымка начинала виться у его ног и неизменно появлялась даже в сырых низинках далеко от воды. Парень не замечал эти совпадения и не думал об этом, светило солнце, шумела степь невидимой жизнью, миражи показывали дальние караваны, ко-

торые, казалось парили над степью, ведомые кочевниками. Жизнь воина переменилась, когда он встретил на берегу реки чудную худенькую зеленовласую девушку с зелёными глазами, напевавшую грустную песенку на неведомом языке. Заворожённый чудным голосом, он остановился и стал как вкопанный не в силах пошевелиться. Не то, что кто-то или что-то обездвжило его, нет, он чувствовал всю хрупкость ситуации, ему казалось, что сделай он хоть ещё один шаг и видение исчезнет и он останется самым несчастным человеком на этом берегу. Торопливый топот и лязг железа вооружённого наряда, посланного из-за задержки патрульного заставил воина обернуться, суровые лица товарищей, поднятых по тревоге не предвещали ничего хорошего, но это была мелочь по сравнению с тем, что он видел. Воин возвратил свой взор в то место, где он видел девушку, но на том месте никого не было, лишь несколько лёгких маленьких волн набежали на речной бережок.

Воина наказали, поместив в тюремную камеру на самом верху, где жаркое солнце нагревало крышу и на нестерпимой жаре лопались губы и даже ночью веяло горячим воздухом от неостывших стен. Кружку тёплой воды на день узнику не хватало и ночью, облизывая потрескавшиеся губы, вдруг почувствовал дуновение освежающего ветерка, донёсшего к нему несколько прохладных капель драгоценной влаги. Воин подошёл к узкому, зарешеченному окошку и подставил разгорячённое лицо ласковым порывам. Речная про-

хлада остудила его тело, дождь утолил его жажду, а губы перестали кровоточить. Каждую ночь воин ждал своего ветерка, в его лёгких порывах ему казалось, что чьи-то девичьи руки нежно гладят его лицо, играют с его русыми кудрями, а влага на его губах казалось оставалась то ли от нежных поцелуев, то ли от утреннего тумана.

Когда наказание сняли, воин бегом побежал на то место, где видел девушку, уговаривая себя что это был мираж и не надеясь её увидеть. Но он её увидел. Зеленоглазая Ноока сидела как ни в чём не бывало на старом месте, словно поджидая его... Череда встреч сократило лето и осень для воина линию времени в один миг. Глубокой осенью Ноока сказала, что уезжает до весны и чтобы он не искал с ней встреч. На следующий день река покрылась льдом.

Весной Ноока опять встретила с воином и они счастливо бродили взявшись под руки по предутренней степи сбивая босыми ногами густую росу с просыпающихся цветов. Однажды Ноока исчезла и исчезла навсегда. На любимом месте встреч воин нашёл коробку аккуратно, словно из бумаги сложенную из листьев кувшинки и украшенную золотыми украшениями. Рядом стоял сундук, доверху наполненный тяжёлыми золотыми монетами. На сундуке лежал конверт. Вдруг воин услышал голоса, вдоль реки вереницей шли на работу в поля люди, но они совершенно не замечали воина и его богатство, а один, словно мираж, прошёл сквозь его тело, словно его и не было вовсе. Из коробки раздался дет-

ский плачь, воин поднял лист и увидел младенца, девочку, чьи белокурые длинные волосы обняли тельце и не давали ему замёрзнуть.

Речная царица оставила письмо и деньги, в письме, строки которого потекли из-за слёз, капавших на чернила любимая рассказала, что раз в тысячу лет Царица может просить одно желание, но время когда оно длится может лежать в пределах от мига до вечности и нам боги отвели несколько месяцев. Она не знала, когда опять окажется затворена в своём царстве и использовала последние минуты своего людского бытия, что бы обеспечить безбедную жизнь любимого и их дочери.

Однако было условие, дочь как дитя человека и стихии могла переходить из одного состояния в другое, т.е. стать более человеческой в атмосфере любви или перейти в мир воды, если вокруг будет царить тоска и печаль.

Воин понял, что уже прожил лучшее время своей жизни и поднял на руки своё сокровище, не то, что лежало в сундуке, но то, что попискивая тянуло к нему свои крохотные ручонки. Воин прижал дочь к широкой груди, другой рукой взял сундук и побрёл домой. По реке пошла рябь и лёгкий дождь оросил словно слезами пустое место былых встреч. Речная Царица плакала, провожая взглядом из-под воды любимого и дочь.

о«Зима слушал и думал, насколько сильно повредился умом старый дурень, совсем или чуть-чуть, совсем не вни-

мая сути истории, которую ему поведал отец Милены. Потом решил, что лучше поддакивать и в конце клятвенно заверил, что Милена будет счастлива и их совместный ковчег минует бури житейских стихий.

В дверь настойчиво стучали, из столицы примчался курьер с потрясающей новостью, народ прослышав о подвигах сына Лимпика выбрал царём о'Зиму.

Милана безучастно отнеслась к сватовству и сообщению, что теперь она автоматически становится венценосной государыней, как отец решил так и будет. о'Зима был озадачен – желанная невеста, большое богатое приданное и тут ещё царская корона на его голову, слишком много для непритязательного простого воина.

Жизнь берёт своё, царская жизнь быстро упаковала простоту о'Зимы в парчовые одежды и в нём проснулся Царь, дремавший в сумрачной стороне его души. Старый дряхлый Царь давно уже управлялся свитой и не поддавшись на уговоры по важному вопросу был отравлен. о'Зима, слушая советы умной жены быстро отдалил от себя лжецов-сладкословов и льстецов-лизоблюдов и окружил поначалу трон достойными людьми. Царство-государство окрепло настолько, что войны вообще прекратились, населения стало больше. Однако чиновники, удалённые из дворца решили вернуть себе утраченную власть, понимая, что свергнуть царя, подбив народ на переворот не получится, жизнь наладилась, никто не захочет что-то менять. Тогда чиновники обрати-

лись к ненасытному змию беспредельного удовольствия – стали приглашать царя на охоту, пиры, где сотни прекрасных невольниц услаждали взор царь о’Зимы, а стол прогибался под весом изысканейших блюд и напитков, ум закручивали волшебные ароматы, струившиеся из отверстий в полу. Но ничего не происходило, жизнь государства текла в прежнем русле, Милина управляла страной, исправляя ошибки царя о’Зимы.

Видя это чиновники потирали руки и наушничали царю на жену. Потом чиновники, заведовавшие военными заводами стали уговаривать царя начать войну с соседями, тогда они смогут много заработать на продаже оружия. Царь вспомнил, кем он был в молодости, вспоминается лучшее, как он с изрубленным знаменем стоял в лучах славы и не помнил о тех погибших, которые возвели его на этот пантеон, сократив своими жизнями число противостоящих врагов. Наушничанье и лесть делали своё дело, царь о’Зима стал приближать к себе льстивых и завистливых бездарностей и удалял, тех кто помог трону принести величие его стране. Зная, что царь может отменить планы военных действий, вняв мудрым, убедительным советам своей жены, чиновники оговорили Милину, приписав её измену мужу и измену государству. Разгневанный царь приказал переселить жену в отдалённый дворец и отстранил от всех дел. После этого объявил войну соседям. Когда жена садилась в паланкин царь о’Зима обратил внимание, что обычная милая

улыбка исчезла с губ его некогда любимой жены, роскошные, белокурые волосы больше не вились в кольца, а она сама выглядела так, как будто сильно утомлена. Паланкин под охраной двинулся и невольный взгляд о'Зимы из-за минутного стыда коснулся пола и он с удивлением увидел цепочку мокрых следов, обрывавшихся там, где жена села в паланкин. Подошедший генерал прервал мысли царя докладом о боевом духе армии и первых победах.

Военная компания на первых порах продвигалась хорошо, армия внедрилась глубоко на территории соседей. Но соседи уяснив, какая опасность грозит от армии о'Зимы объединились и выступили совместно против общего врага. Армия стала нести потери, партизаны перерезали дороги по которым шло снабжение, рекруты призванные в армию из крестьян оставили поля незасеянные, а чиновники, возившие продовольствие из-за границы подняли цены.

В стране начались волнения и голодные бунты. Бунтовали и женщины, чьи мужья гибли на войне. На фоне этих событий царь о'Зима даже почти не обратил внимание на сообщение об исчезновении Милины при очень странных обстоятельствах, все двери в её помещениях были закрыты, лишь в зале, где любила проводить время Милина, занимаясь чтением книг был мокрый пол, как будто там лил дождь и мокрые следы, которые вели к камину, через трубу которого был виден крошечный кружок синего неба.

Тем временем враги, подкупив продажных чиновников

стали разрушать царство о'Зима. Крах был близок, толпа, вооружённая кольями швыряла булыжники в его дворец. Тоскливо глядел на них издалека царь о'Зима сквозь стёкла своего кабинета, как вдруг неясная тень коснулась его уха и он увидел небольшое облачко, висевшее над висевшее над его головой и в его мозгу зазвучал голос его жены, просившей выгнать чиновников с продовольственной биржи и заключить мир с одним из соседей, уговорив стать того союзником. Царь оживился, тут же написал новый указ и сразу выслал министра по переговорам к тому соседу, с которым в общем и не хотел воевать, поскольку они были приятелями. Положение страны стало легче, чиновники, видя такую странную перемену собрали большие деньги и отправились к старой ведьме, которая раскрыла им секрет чудесного облачка, после этого обещала в дальней богатой стране устроить засуху и сказала как быть чиновникам дальше.

Тогда собрали совет чиновники и стали доказывать, что они дадут деньги на войну, в обмен на всю воду государства. Пожал плечами царь о'Зима, да и подписал указ, полагая, что воды всегда много. А чиновники взяли и продали всю воду богатому королевству и выехали сами туда. Облачко исчезло, ей негде было черпать силы, ведь облака пьют воду, без воды они таят.

Оставшийся без воды народ ворвался во дворец и вытащил царя о'Зиму во двор и... стал сильно его трясти и жечь факелами руку. Вдруг стыд прорезал сознание царя и вспом-

нил он печальный образ своей жены... Милина!!!! Прости... прошептали губы царя прежде чем здоровенный детина замахнулся дубиной, чтобы разбить голову некогда великого царя... смесь равнодушия к самому себе и стыд... смешались в самое неприятное чувство.

Царь о'Зима проснулся от того, что его любимый спаниель дёргал его за руку, прихватив пастью пальцы. В дверь стучался дежурный министр, напоминая царю, что через полчаса его подданные ждут выступление монарха с программной речью.

– Твоя речь, дорогой, в шкатулке с письмами, текст разверни на трибуне, женский почерк отличается от мужского, нечего посторонним туда заглядывать, – сонно произнесла красавица Милина, сладко позёвывая. о'Зима резко обернулся, рядом лежала та, чью фигуру даже под складками одеяла он узнал бы из миллиона.

Царь встал, обрывки неприятного сна улетучились. С одеяла с шорохом упало старое письмо, которое он наконец прочитал вечером. Это было послание речной Царицы отцу Милины.

– «Не упущу своё счастье, даже у царей это очень хрупкое сокровище,» – подумал царь и погладил округлившийся животик своей жены, белокурые волосы которой завивались красивыми кольцами, – «особенно у царей». Царь одел самый великолепный костюм и подошёл к зеркалу, желая как обычно самому удостовериться, насколько предста-

вительно выглядит высшая власть. У зеркала лежало приглашение на охоту. Царь взял его в руки и прочёл, Милина, делая вид что спит, приоткрыв глаза, наблюдала за мужем. Царь о'Зима сразу решил порвать письмо, потом мельком глянув на жену взял перо и размашисто написал отказ и пожелание подобные письма ему не присылать. Милина улыбнулась – муж явно делает успехи на дипломатическом фронте.

Могучий царь о'Зима громовым голосом вещал со своего балкона, который был отлит из чистого золота, о делах государства, в величии которого никто не сомневался. Народ аплодировал и ликовал, мудрая речь вдохновляла людей и внушала оптимизм, люди радовались, что выбрали царём о'Зиму.

– Пусть я и не умею сочинять такие речи, зато их умеет складывать моё второе «я», моя любимая, и я знаю, что могу её защитить, – думал могучий царь о'Зима, глядя на волнуящиеся людское море под своим балконом. Вдали простирались бескрайние поля его большой и мирной страны...

Не знал он, что царство его и речь не слышна сквозь толщину стенок камня, лежащего среди старых игрушек и фенечек на полке у красивой девушки, спящей сладким сном.

– А, ой, я задремала и мне снился сказочный сон! О стране, похожей на наш Крым, любви дочери русалки и могучего воина, – Евгения взяла из рук парня минерал и очень осторожно положила его обратно на полку: – вдруг мы так же где-

то в какой-то бусинке со всей своей Вселенной находимся!

– Давай теперь хоть немного просмотрим экзаменационные вопросы.

– Скажи, кто был царём после о’Зимы?

– Не знаю, не дослушал, ты забрала минерал!

– Ладно, после экзаменов опять послушаем! – Евгения серьёзно посмотрела на своего парня.

Старинный аксессуар, или О неизменности положения в резко меняющихся обстоятельствах

«Обстоятельства заставляют людей делать выдающиеся вещи. Обычное неумение маскируется под слабость и уязвимость. Эта иллюзия чревата тем, что в экстремальной ситуации обычные люди быстро учатся и превосходят мастеров...»

«Эгоскрипtum» Человека на скамейке

– У вас свободно? – Миловидная, стройная, смуглая, чуть раскосая женщина средних лет остановилась возле скамейки. Лёгкие порывы ветра игриво шевелили её роскошные чёрные волосы, и сквозь расступившиеся локоны пробивались солнечные зайчики, сбежавшие от вечернего солнца, заставляя Человека на скамейке прищуриваться.

– Да, присаживайтесь.

– Ремонтируют троллейбусную трассу, пришлось пройти несколько остановок. Немного утомительно. Я решила сократить путь через парк.

– Да, довольно редкий повод вот так пройтись по парку!

– Я не была тут уже несколько лет.

– Жизнь заставляет людей ходить обычными маршрутами, причём в строгом ритме. Тогда многие места, даже где вы бывали раньше, просто исчезают.

– Что? – Женщина задумалась. – Впрочем, наверное, вы правы! Если я не вспоминаю о подобных этому парку местах, значит, они перестали существовать, по крайней мере для меня. Ой, извините, я не хотела утомить вас своей болтовнёй. Я передохну немного и пойду дальше.

– Нет, сударыня, возможно, я вам и встретился, чтобы выслушать ваши слова.

Женщина с лёгким подозрением взглянула на незнакомца.

– Но я часто и сам что-нибудь рассказываю.

– Вот как? И о чём же вы рассказываете?

– То, о чём обычно не просят.

– Хм, а если попросят, то не расскажете?

– Редко просят, я обычно стараюсь не отказывать.

– Ладно, раз так. Я остановилась и присела, чтобы рассмотреть вашу редкую старинную вещь. Такое мало кто из дома выносит. Расскажите её историю!

– Как пожелаете. Итак...

Англоязычные согнали небольшое племя индейцев из племени отоми с дедовских земель. Люди, жившие здесь веками, решили уйти в горы. Эти плодородные земли теперь нужнее другим, тем, у кого есть сила и нет совести. Но про-

сто так уйти – это привилегия. Так подумал один из англоязычных. Но кожаную Вещь это мало трогало, ведь она занимала самую высокую позицию, гораздо выше, чем все эти копошащиеся люди.

– Вы должны отдать нам своих женщин на два часа, а потом убирайтесь куда хотите! – внезапно заявил один из хозяев ситуации.

Индейцы перестали копошиться и застыли, не понимая, за что их так наказывают, ведь они добровольно подчинились.

Вдруг один из индейцев, подскочив к затухающему костру, выхватил из кострища обгоревший обломок ствола и ловко метнул его в инициативного захватчика. Сей метательный предмет спустя секунду с небольшим точно пришёлся в центр цели, вызвав болевой шок у домогателя и последовавшее за ним замешательство. Индейцы бросились враспынную и ловко растворились в окружающей растительности, а обидчик ещё и прихватив с собой лук со стрелами, взял самую красивую девушку за руку, быстро исчез с ней из виду.

– А, брось! – сказал другой из захватчиков, видя, как пострадавший от воздействия куска обгоревшего дерева явно вознамерился использовать преимущества верховой езды, дабы восстановить своё реноме в глазах банды.

– Э, нет! С этого я сдеру шкуру со скальпом, а та, что убежала с ним... Не в ту сторону они убежали, там отвесная

красная стена песчаника!

Индейцы стремительно бежали через невысокий лес из кривоватых деревьев, там, под жиденькими кронами пешему было гораздо легче перемещаться, чем конному.

Вдруг индеец остановился и сняв с себя лук и вытащил крепкую стрелу из мешочка.

– Не надо! – девушка взяла парня за руку, – они рядом, будут его искать, найдут здесь и будут мстить. Наши люди ещё недалеко ушли.

– Ладно, уведём его подальше, – парень вернул стрелу на место и закинув лук на плечо увлёк девушку за собой.

Лес внезапно закончился, перед беглецами предстала высокая, почти отвесная стена красного песчаника. Тектонический сдвиг когда-то давно разорвал плоскость равнины и поднял словно кусок торта часть территории, превратив в небольшое плоскогорье с обрывом с одной стороны и с плавным подъёмом с другой.

Девушка подбежала к стене и в смятении взмахнула руками, дальше дороги не было.

Индеец достал стрелу и подойдя к препятствию, чиркнул по песчанику, оставив глубокую борозду.

– Ты хочешь сделать в камне ступени? Этим? – девушка в отчаянии сложила руки на груди.

– Да. Именно ступени! – парень с силой вогнал стрелу в мягкую породу.

– Стрела не выдержит, сломается! – девушка с сомнением

посмотрела на спутника.

– Там где не сделает один, сделают двое или трое! – индеец рядом с первой стрелой вогнал вторую.

– Попробуй!

Девушка стала на первую ступеньку из двух стрел и, держась за красную стену, оказалась на полметра выше.

– Теперь я, взбирайся за мной! – индеец вытаскивал из мешочка по две стрелы и вонзал их в мягкий песчаник, по ним пара карабкалась вверх. И они почти поднялись, когда, словно хищник, конный преследователь очутился у подножия.

– Ты посмотри, какая хитрая сво..чь! – рука всадника потянулась сперва к длинному новому чехлу, но затем он ловко выхватил из кобуры револьвер и, прицелившись, выстрелил несколько раз.

– Далековато, но как минимум один раз попал, – ухмыльнулся он. – Сейчас объеду, надо поторопиться, а то бунтарёк истечёт, как прохудившаяся фляга, а с дохляка снимать шкуру не интересно! Заеду со стороны солнца, так целиться удобней.

Беглец был ранен. Свинцовая пуля попала в предплечье. Его суженая быстро наложила повязку, но индеец уже не владел этой рукой. В мешочке осталось всего две стрелы.

Вдали, в статичной рыжей картинке плоскогорья появилась движущаяся точка.

Индеец морщась от боли снял со спины лук и передал девушке. Оставалось лишь несколько минут, чтобы опытный

воин изложил теорию боевой стрельбы из лука хрупкой девушке, впервые взявшей в руки это метательное оружие.

Чёрный исполинский конь, словно символ мщения, настигал пару индейцев.

– Как хорошо, – думала кожаная Вещь, обдуваемая потоками рассекаемого конской грудью ветра.

Всадник одной рукой вытащил из чехла автоматическую винтовку, радуясь поводу испытать новейшее изобретение Запада...

Всадник одной рукой вытащил из чехла автоматическую винтовку, радуясь поводу испытать новейшее изобретение Запада. Кожаная Вещь поморщилась, горячие стреляные гильзы иногда её царапали.

Девушка вложила последнюю стрелу...

Вот она – цель, уже хорошо различима, две фигурки, одна с бессильно обвисшей рукой и вторая, неуклюже пытающаяся натянуть лук. Наконец девушка справилось с тетивой, но стрела ушла далеко в сторону, слишком яркое солнце светило в глаза, слишком мало опыта у стрелка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.